Морвейн
Ветер
Моя
Надежда

Морвейн Ветер
Моя надежды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71666329
SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, где ведьмаки исконно враждуют с чародеями, Эриан родилась дочкой ведьмака. Но судьба наделила её талантами, которые никогда не сможет принять её отец.

День за днём она открывает в себе способности к магии, и таинственный голос становится её проводником в мир волшебства. Но кому он принадлежит? Какие силы стоят за ним?

Содержание

Содержание 4
Пролог 6
Глава 1. Магистр и демоны 11
Глава 2. Остров Белокрылых Кораблей 20
Глава 3. Наследник дома Шаул 30
Глава 4. Война 41
Глава 5. Шаул 51
Глава 6. Город 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Морвейн Ветер
Моя надежды

Содержание

– Содержание -
Пролог
Глава 1. Магистр и демоны
Глава 2. Остров Белокрылых Кораблей
Глава 3. Наследник дома Шаул
Глава 4. Война
Глава 5. Шаул
Глава 6. Город
Глава 7. Пустые ночи, пустые дни
Глава 8. Сватовство
Глава 9. Маги, демоны и ведьмаки
Глава 10. Колдовство
Глава 11. Расплата
Глава 12. Крутые перемены
Глава 13. Город
Глава 14. Первые шаги
Глава 15. Дождь
Глава 16. Как это работает

Глава 17. Время
Глава 18. Темница
Глава 19. Поиски
Глава 21. Бегство
Глава 22. Расследование
Глава 23. Тайны
Глава 24. Связи
Глава 25. Свет

Пролог

Пламя сверкает на пальцах маленькой змейкой, переливается оранжевым и алым, растекается тонкой струйкой и танцует в воздухе.

– Верно, наставник? – он поднимает взгляд. Заглядывает в глаза тому, кто стоит в шаге от него.

Чёрный капюшон Учителя скрывает лицо. Лишь белый контур лица виднеется в темноте.

– Да, Таус. Я всегда верил в тебя.

Тот, кого назвали Таус, разворачивается и простирает руки в стороны. Два огненных крыла взмывают у него за спиной.

– Сайнее киано, эре маито… – нараспев произносит он.

Сила разливается по телу. Взрывается маленькими искорками в голове. Растекается горячими потоками по рукам. Тело поёт, откликаясь на её зов. Сила ласкает его, а он в ответ оглаживает её лёгкими касаниями пальцев.

Кому-то, чтобы призвать магию, нужно говорить слова. Кто-то использует танец или жест. Таусу Кхорну не нужно ничего. Он лишь закрывает глаза и ныряет в сладостный поток. Всё остальное – заклятья, знаки и прочая ерунда – лишь способ выразить своё почтение Ей. Великой Тьме.

В одно мгновение деревья, небо, тени мостов и замков вдалеке – всё обретает цвет, всё становится настоящим и жи-

вым. И если бы Таусу сказали, что он лишится возможности видеть этот мир навсегда – он бы ответил, что лучше умереть.

Резким движением чародей выбрасывает руки вперёд. Поток пламени срывается с кончиков пальцев – улетает далеко-далеко. С холма, на котором стоят они вдвоём, огненные струи уносятся вперёд, в долину над рекой, завесой пламени накрывают форт ведьмаков.

Человечки – маленькие и перепуганные, даром что разодетые в туники с гербами, мечутся вдалеке, пытаясь потушить пожар. Кто-то уже бежит к башням, кто-то разворачивает катапульты… Таус не пытается сдержать хохот, рвущийся на волю.

– Так легко! – выкрикивает он. Голос мага перекрывает шелест пламени и вопли перепуганных людей.

– Запомни это чувство, – наставник опускает руку ему на плечо, – пока оно с тобой – ты непобедим.

Эклери открыл глаза. Серый потолок над головой украшало желтоватое пятно. Где-то за окнами колокольня Девы Бурь отбивала восемь часов. Значит, нужно было вставать – магистр назначил встречу на девять часов.

Эклери вздохнул. Ему не хотелось видеться с этим человеком – он не любил тех, кто представляет власть. Впрочем, не любил он и тех, кто выступает против неё. Иногда Эклери сам себе задавал вопрос: а ты любишь вообще кого-нибудь? Но ответить на него не мог.

Он поднялся с кровати и босыми ступнями прошлёпал по холодному полу к окну. Человечки, маленькие и неживые, спешили по узкой улочке в обе стороны – лавочники шли на работу, ночные бабочки торопились домой.

Двух и трёхэтажные домишки плотными рядами тянулись по обе стороны от проезжей части – такой, казалось, узкой, что два кэба, столкнувшись нос к носу, не смогут разъехаться между собой. Тусклые коричнево-серые фасады пестрели окнами, занавешенными выцветшими шторами. С подоконников кое-где свисали пожухлые цветы – они выглядели бурыми, несмотря на то, что дождь, накрапывавший с низкого серого неба, должен быть смыть с них обычную городскую пыль. Вода, стекая с крыш, делала крохотные палисадники похожими скорее на болотца, и словно камыши выглядывали из них прошлогодние стебли астр. Лужи соединялись в грустный ручей, текший по наклону улицы, и пройти, не замочив ноги, было практически невозможно.

Эклери обхватил голову и стиснул виски, как будто бы это усилие могло заставить мир кругом обрести смысл и цвет – но нет. Человечки оставались такими же далёкими в своих потускневших, выгоревших на солнце и застиранных до дыр одеждах.

Иногда, когда Эклери только лишь просыпался, его посещала пугающая мысль, что он застрял в какой-то временной петле. Что время движется по кругу, и каждый новый день – лишь повторение дня вчерашнего, а все остальные попросту

скрывают это от него.

– Мда… – пробормотал он. И со вздохом потянулся к серому балахону, который служил ему ежедневной одеждой. Эклери давно уже не носил чёрных цветов, которые предписывал магам закон. Он мог бы и вовсе не носить мантии, всё равно никто не заметил бы его среди других таких же серых теней. Но Эклери плохо представлял, кем он станет тогда – без этой последней памяти, напоминавшей ему о волшебстве.

Затянув шнурок плаща на горле, он натянул на голову капюшон и, прикрыв за собой дверь, стал спускаться вниз – по возможности стараясь не попадаться никому на глаза. Эклери ни с кем не хотел говорить. Но, как всегда, когда ты чего-то избегаешь, Судьба или Владыка Небес – что, в сущности, одно – делает всё наоборот.

Выбравшись на мостовую и почти что уже остановив кэб, он столкнулся с живущим в соседнем доме стражником-ведьмаком. Опознать такого было легко – у всех, кто ещё был жив, пылали красным глаза.

– Мало вас жгли?! – поинтересовался тот, пытаясь залезть в кэб вереди него. – Вы ещё путаться будете под ногами у честных людей?

Эклери поколебался – отвечать или нет – но решил промолчать, потому что ведьмак явно был голодный, невыспавшийся и злой, а спорить с такими никакого смысла нет. Он позволил тому занять подъехавший кэб и стал ждать, когда

в конце улицы покажется другой.

Настроение упало совсем, и Эклери обернулся на домик, в котором обитал – раздумывая, не вернуться ли назад. В его окнах, темневших на втором этаже, было так пусто и темно, что, представив себе день, проведённый в четырёх стенах, Эклери решительно поднял руку и задержал как раз показавшийся из-за угла кэб.

– В магистрат, – распорядился он. Кэб тронулся, а Эклери обхватил руками плечи и попытался вернуться в прерванный звоном колоколов сон.

Глава 1. Магистр и демоны

Литон отвратительно ориентировался в городе – и Госпожа, безусловно, не могла этого не знать.

Ему оставалось лишь гадать, какие безумные интриги вертелись в её голове, когда она отправляла его с клочком драгоценных человеческих бумаг в магистрат.

Литону предписывалось отыскать некоего Артария – магистра, по словам Госпожи – и крайне тихо и незаметно передать ему клочки.

Литон не слишком высоко ставил этот странный план – он не понимал, почему эти квадратики с рисунками настолько важны. Но Госпожа привязала его к себе уже давно.

Сначала сделка казалась выгодной обоим – а если уж совсем честно, то Литон ожидал выиграть от неё куда больше, чем Госпожа.

Потребовалось добрых пять лет кропотливого труда, чтобы понять, что Госпожа вовсе не так проста.

Нет, умной он бы её не назвал. Скорее, в чародейке таилась какая-то резкая и порой бессвязная хитреца. Госпожа всегда и везде находила выгоду для себя, у нищего могла вырвать последнюю монетку, если видела, что под грязью таится золотой. А глаз у неё был намётан на всё, что блестит – это Беиска видела издалека.

Когда-то, пятнадцать лет назад, в годы, когда ещё только

начиналась война, Литон даже думал, что влюблён в неё – разумеется, не настолько, чтобы полностью подчинить себя смертной, но… Госпожа подчинила его сама.

Чем дольше он состоял на службе, тем отчётливей понимал, что свою награду не получит никогда.

Сегодняшнее поручение было не из самых сложных – если бы только не эти проклятые города.

На архипелаге, где обитала Госпожа, и без того постоянно с неба лилась вода, так что немудрено было промокнуть до самых костей. А здесь, в городе, на дорогах к тому же скапливались большущие лужи, проезжая по которым, извозчики разбрызгивали во все стороны жидкую грязь. Дома заслоняли свет, сплошными стенами каменного лабиринта возвышаясь с обеих сторон. Да и сами люди закрывались от мира так, что при всём желании и толики жизненной силы было не урвать.

Ну и, конечно же, сам магистрат. Это место походило на гигантский муравейник, где множество людей толпилось, собиралось кучками, что-то жужжало и ожидало чего-то, чего дождаться никак не могло.

Здесь были три зала, в одном из которых заседали и ссорились напыщенные дураки в дорогих мантиях. В другом – люди попроще, но такие же глупые и сварливые на вид. Два зала объединял между собой третий, предназначенный для гостей, в котором Литон и проторчал уже добрую половину дня. Некоторые из тех, кто пришёл позже него, уже угово-

рили персонал передать свои имена напыщенным дуракам, и те соблаговолили выслушать их. Но Литон имел твёрдый наказ – никаких имён не называть. Потому немало времени ушло у него на то, чтобы придумать, как обратить внимание Артария на себя.

Литон выспросил у других собравшихся, как выглядит тот, кого он ждёт – высокий седобородый старик – и обомлел, когда спустя ещё пару часов тот показался из зала «для напыщенных дураков». Обомлел потому, что под роскошной седой человеческой бородой отчётливо проглядывало демоническое лицо.

– Айа! – выдохнул Литон.

Седобородый обернулся и, прищурившись, пристально посмотрел на него.

– Ты ещё кто? – поинтересовался он.

Литон поспешно совладал с собой.

– Меня послали передать тебе кое-что, – вместо ответа сказал он и, как мог незаметно, сунул в руку магистра конверт.

Стоявший перед ним демон в человеческом обличии приоткрыл его и, фыркнув, увидел куски бумаги – чего и следовало ожидать.

– Это ещё что? – поинтересовался он.

– Моя Госпожа просит тебя помочь. Заступиться за неё в деле об острове Брен-Орат.

В глазах магистра блеснул недобрый огонёк.

– И вы такую сделку решили мне предложить? Бес, ты совсем идиот?

– Мы не знали… – пробормотал Литон.

– Прочь отсюда. Вам не по карману моя цена. А если вы понадобитесь – я сама с вами свяжусь.

Демона, скрывавшегося за человеческим лицом, Литон знал не то чтобы хорошо. Только то, что это была она – Айа, одна из Семи.

– Прости, – Литон в притворной покорности склонил голову, а затем, стоило Айе отвернуться, скользнул вперёд, на ходу растворяясь в воздухе, и приклеился к тени под её плащом.

Айа спешила – двое довольно важных гостей ожидали её в приёмной, а совет палаты магистров никак не хотел заканчиваться, как будто собравшиеся там в самом деле думали, что их болтовня вернёт Атолле легендарные воздушные корабли.

Одну ожидавшую её она не хотела заставлять ждать, потому что знала слишком хорошо. Рэна призвала её в этот мир уже больше десятка лет назад. Рэна дала ей это тело. И Рэна всегда помогала ей, если могла.

Другого Айа знала всего несколько дней, но сейчас он был не менее, а, может, и более важен для неё.

Этого другого звали Эклери. Некогда бывший могущественным магом, теперь он, похоже, в конец затерялся в череде поисков и сомнений. Но Айа слышала о нём. И знала,

как много сможет добиться от него.

– Прошу прощения, – сказала она, входя в кабинет и пристально оглядела одну, а потом другого.

Рэна обладала ничем не примечательной внешностью, русые волосы стлались по плечам, но Айа отлично знала, какое могущество скрывается в её сердце и голове.

Рэна кивнула, отвечая на приветствие.

Эклери смотрел на Артария с умеренным любопытством. Больше всего Айю интересовало, кого он увидит в ней. И теперь она поняла – никого. Перед Эклери стоял всего лишь магистр. А значит, магия покинула – или готовилась покинуть его.

– Вы звали меня, – Эклери поднялся и отвесил лёгкий поклон.

– Да, это так. Я слышал, ты хочешь присоединиться к нам.

Эклери кивнул и на мгновение опустил серые глаза, прикрыв их пушистыми светлыми ресницами.

Айа беззастенчиво разглядывала его.

Нет, этот тоже не походил на могущественного мага. Чёрные волосы его, достигавшие плеч, кое-где спутались, серые одежды, казалось, покрывала пыль. У визитёра было красивое благородное лицо с носом, надломленным лёгкой горбинкой, и руки, похожие на крылья чайки – с тонкими и наверняка чувственными пальцами. Но могущества Айа не видела ни в его глазах, ни в его лице. И будь на её месте настоящий магистр, наверняка он бы не принял этого человека в

расчет.

– Я слышал, – ответил Эклери глухо, – вы собираете истинную магию. Я тоже хотел бы увидеть её.

Айа подошла к буфету, достала бутылку портвейна и разлила по стаканам. Затем поставила перед каждым из магов по одному.

– Почему? – спросила она. – Разве ты сам – не маг?

Она видела, как стиснул челюсти сидящий перед ней человек.

– Это сложно, – выдавил он, – я не уверен, что мой ответ имеет отношение к нашим общим делам.

Айа поболтала собственным стаканом в воздухе и пригубила портвейн.

– В общем-то, да, – сказала она, хотя это и интересовало её более всего. – У меня есть работа для тебя.

Эклери вскинул на неё взгляд.

Айа отставила стакан, подошла к письменному столу и, взяв стопку бумаг с лежавшим поверх неё небольшим портретом, начерченным грифелем на фанерке, передала все материалы ему.

Эклери принялся задумчиво их листать.

– Эриан Ригель, – произнесла Айа вслух, не глядя ни на кого. Взгляд её сфокусировался на окне, за которым в какой ли раз за день здания города заволокла серая пелена дождя, – скоро ей исполнится девятнадцать лет, дочь старого ведьмака по имени Месилон Ригель. Но это мало значимый факт.

Отец её всегда был верен… нам, – перед последним словом Айа сделала паузу, – но магией, разумеется, никогда не владел. А вот его дочь…

Эклери поднял на Айю задумчивый взгляд.

– Разве ты недостаточно магов собрал под своей рукой?

– О, – загадочная улыбка заиграла на губах Артария, – это не то. Меня интересует маг наподобие тех, каким был наш драгоценный Белфонд.

– Белфонд? – Эклери надломил бровь. «Это же сказка», – читалось в его глазах.

– Ты ведь знаешь легенду о нём?

– Удивлюсь, если её не знает кто-нибудь…

– Говорят, Белфонд поднял Острова со дна и связал их сетью мостов. Говорят, его слушали птицы и рыбы…

– Я понял, – Эклери прокашлялся и попытался спрятать в кулаке смешок, – иными словами, тебе нужен легендарный светлый маг.

– Да, это так.

– Магистр… – Эклери помолчал, подбирая слова, – ты правда веришь в то, что подобный может существовать?

– Видишь ли, – Айа мягко улыбнулась ему, будто говорила с ребёнком, – у нас есть небольшая проблема. Если мы не найдём нового Белфонда, Острова могут уйти обратно на дно.

Эклери недоверчиво вскинул бровь.

– И она… – он чуть опустил глаза и ткнул пальцем в ми-

ниатюру.

– Есть мнение, что возвращение магии древности зависит от неё.

Эклери ещё какое-то время с сомнением смотрел на девушку, изображённую на рисунке.

– Мы все умрём, – констатировал он.

– А вот это уже зависит от тебя.

Айа села в кресло и закинула ногу на ногу.

– Я хочу, чтобы ты обучил её и привёл ко мне. Такое задание тебе подойдёт?

– Мне нужно подумать, – сказал Эклери и поднялся. – Это всё… Странно. Разве не так?

Айа пожала плечами.

– Найди меня, когда примешь решение, – сказала она.

Эклери вышел, а Айа с Рэной остались, как им казалось, вдвоём.

– Айа! – прошипела Рэна, едва дверь захлопнулась у мага за спиной. – Ты опять врёшь!

– Ни слова не солгала! – Айа повела плечом.

– И перестань вести себя… так, – Рэна повторила её жест, – странно, что никто до сих пор не раскусил тебя!

Айа пожала плечами и подошла к окну. Эклери стоял у выхода с поднятой рукой – видимо, пытался поймать кэб.

– Он интересный, – сказала она, – его душа расколота надвое. Почти как наша с тобой.

– Но тебе не жалко его?

– Почему я должна его жалеть? – Айа фыркнула. – Он всего лишь человек. Пройдёт пара десятков лет, и он умрёт, независимо от меня.

– Тебе ведь и меня никогда не было жаль, да? – Рэна встала и остановилась рядом с ней у окна, плечом к плечу.

Айа молчала. Если она и знала ответ, то не собиралась произносить его вслух.

– Пойдём, – сказала она, – я хотела показать тебе новый парк. Добиться его строительства удалось не без труда.

– Пойдём, – Рэна улыбнулась в ответ на её слова, – раз уж я здесь, то почему бы и нет?

Обе – демоница в облике магистра и тёмная чародейка – вышли из кабинета через потайную дверь и узкими улочками двинулись вниз, к побережью.

Никто из них не заметил, как от плаща Артария отслоилась плоская тень и, скользнув, растворилась в закоулке между домов.

Глава 2. Остров Белокрылых Кораблей

Всю ночь бушевал ураган. Молнии сверкали в чёрной пелене облаков, и грохот волн, бившихся о скалы, мешался со звуками грома.

На конюшне поговаривали, что Дева Бурь повздорила с Владыкой Небес, и если не найдёт он пути к её сердцу – до конца весны смоют воды Изначального океана все сорок островов.

Эриан, наблюдавшая за переменами погоды из высокого стрельчатого окна отцовского замка, продрогла насквозь. Она куталась в пуховую перину, принесённую вечером матушкой Полеттой, и смотрела на свинцовое море, волны которого метались из стороны в сторону, будто задались целью смыть в недра Извечного Океана малюсенький осколок земли у самой северной оконечности архипелага – Остров Белокрылых Кораблей. Дальше их крепости от сердца Островной Империи располагался только Брен-Шаул, рвущий тучи над скалистыми берегами острова Бури. Да ещё моряки, вернувшиеся из плавания к самому горизонту, поговаривали, что там, ещё дальше, лежит гавань самой Девы Бурь, и сыплются с неба пшеница и специи, а реки до краёв переполняет добрый эль.

Ни Эриан, ни кто-либо ещё из её братьев и сестёр не знали толком, почему сохраняется это название – Гавань Белых кораблей – за землёй, с воздушной пристани которой уже много веков не отправлялось ни одного крылатого корабля. С тех пор, как светлая магия покинула Островную Империю, и в такие дни, когда из дома было носу не высунуть, Эриан невольно задумывалась о том, как отличается их жизнь от той, о которой рассказывают учителя в своих легендах о Сорока Островах.

Сама Эриан никогда не покидала тех трёх, что принадлежали её отцу. Да ещё видела издалека неясные контуры малюсенького Брен-Орат, укрытого призрачным куполом тёмной магии ото всех, кто желал посетить его.

Иногда, когда погода была ясной, по извилистой тропинке она взбиралась на утёс, возвышавшийся над беснующимися волнами Извечного океана, чтобы оттуда долго-долго смотреть вдаль.

Полетта говорила, что увидеть остров нельзя. Что могущественная магия не только заставляет корабли огибать его, но и защищает эти ставшие безжизненными камни от взглядов не посвящённых. Но Эриан видела его, она была полностью уверена, что это именно он, а не Фата Моргана, что играет с её зрением, преломляя повисший над горизонтом туман.

Оттуда, с утёса, твердыня рода Ригель, колючими башнями пронзавшая синее прозрачное небо Брен-Хайде, казалась

костями земли, вырывавшимися из тела острова, ощерившимися клыками, чтобы сдержать любого, кто посмеет приблизиться к стенам, стоявшим уже две сотни лет. Стены такие толстые, что внутрь каждой можно было бы спрятать телегу, не будь они заполнены песком, окружали сердце острова со всех сторон.

С тех пор как началась война с магами и до сих пор, когда почти что уже не осталось очевидцев той старой войны, все они так и жили – оскалив зубы друг против друга, делая всё, что не допустить в свои дома и сердца чужака. И сколько бы магистры ни пытались примирить между собой семьи светлых и тёмных, вражда, казалось, ни на гран не стала меньше. Каждый новый закон, который вводил Артарий, лишь обострял и без того накалившиеся отношения между представителями двух сторон. И если в первые годы после войны маги ещё были разрознены, а светлые, казалось, ненавидели друг друга не меньше, чем их, то с течением лет они лишь сплотились друг против друга, утвердившись в мысли, что свет или тьма рождаются не в сердце, а текут в крови.

«Свет и тьма, – думала Эриан, поднимаясь и осторожно переступая босыми ступнями по меховым шкурам, устилавшим пол, – что это такое и в чём разница, кроме, разве что, того, что тёмные умеют призывать к жизни древние силы, заставляют полыхать огонь и проливаться дождь, а светлые… светлые не умеют ничего. Лишь говорят о великой миссии, возложенной богами на них, да отталкивают от себя всякого,

кто хочет им помочь».

Эриан наклонила голову, вглядываясь в стайку ворон, переругивавшихся на покатом зубце крепостной стены. Двое чёрных щипали перья у третьей, вороны-альбиноса. «Всё как у нас, – думала Эриан, – только наоборот».

Она встряхнула чёрной гривой незаплетённых волос, силясь отогнать тоску, которую поселил в её сердце северный ветер. Подумала и, развернувшись, снова направилась к стоявшей в углу кровати. Из всех дочерей эрла Ригеля собственную комнату и постель имела только она. Лучшие гобелены покрывали стены её почивальни, смотревшей северными окнами на море, а восточными – на галечный пляж, окружавший замок со всех сторон. И хотя сама комнатка была небольшой, никто в замке не смел нарушить покой её обитательницы, и любой из слуг опасался разгневать её.

Эриан вот уже два месяца как исполнилось девятнадцать лет, и она была старшей среди всех его детей. Отец любил её и прочил ей бразды правления замком, а потому не спешил с выбором супруга, не желая отдавать черноволосую и синеглазую, но плотную и сильную, как мальчик, красавицу в чужой дом. Он сам занимался с ней на заднем дворе, заставляя избивать манекены тяжёлым мечом, и рассказывал старые ведьмачьи байки, которые теперь уже, кажется, не помнил никто, кроме него.

Отец Эриан был ведьмаком. В рядах Фениксов он ступил в самое сердце тьмы, чтобы отобрать у противника его гор-

дость и твердыню – Брен Хризалат. И насколько знала Эриан – никто из его товарищей не дожил до сегодняшних дней.

Ведьмаков убивали не враги – они умирали сами, от рано посетившей их дом старости, становились жертвами проклятой Пыльцы. Как ни старались алхимики отыскать рецепт, способный защитить верных магистрам от этой чумы, ита по-прежнему оставалась единственным средством дать отпор тёмным, черпавшим свою силу от демонов. И даже несмотря на это, ведьмаки оставались слабей.

Было чудом то, что Месилон Ригель всё ещё оставался в живых. Он был одним из тех старых ведьмаков, которые, как поговаривали тут и там, всё ещё не знали об окончании войны. В своей ненависти к побеждённому противнику Месилон был настолько бескомпромиссен, насколько может быть старый солдат, потерявший всех своих друзей. Он предпочёл бы сам навсегда покинуть столицу, потерять всё, что имел – чем позволил бы тёмным отобрать что-нибудь у него.

И, может быть, именно это стало причиной того, что Эриан так часто задумывалась о различиях, навсегда разделивших отца и его врагов.

Ближе к полудню, когда пелена дождя немного расступилась, и стало можно высунуться в окно, не рискуя в первое же мгновение промокнуть насквозь, Эриан собралась духом и, одолев сон, позвонила в колокольчик, вызывая матушку Полетт к себе.

Та помогла молодой леди одеться, долго расчёсывала

непослушные волосы. Затем раскрыла шкатулку с лентами, что принесла с собой, и несколько минут выбирала ту, что подошла бы к цвету платья, волос, гобеленов и волн за окном. Остановившись наконец на изумрудной, она взяла её в руки и несколькими ловкими движениями заплела пышные пряди в тугую косу, а затем собрала остатки рассыпавшихся вокруг висков локонов венцом. Помогла девушке встать и, поддерживая её под руку, проводила по узкой винтовой лестнице во двор.

– Можешь быть свободна, – отпустила её Эриан. Напоследок приняла из рук матушки зонт и жестом отсекла возражения. Затем решительно направилась к конюшне, на ходу подавая страже знак открыть ворота. Гнедая, подаренная Эриан отцом два месяца назад, уже стояла под седлом. Эриан потрепала её по ушам и уже занесла ногу над стременем, когда услышала шаги за спиной.

– Молодая леди намеревается нанести кому-то визит? – поинтересовался у неё широкоплечий мужчина с коротко стриженными каштановыми волосами, в плаще с гербом рода Ригель – начальник стражи, отцовский сенешаль Колдер. Он остановился в паре шагов, скрестив руки на груди, и требовательно смотрел на неё.

– Очень смешно, – заметила Эриан с невольной злостью, – кого я могу навестить, кроме рыб?

До того как Эриан исполнилось девятнадцать лет, отец всякий раз, отправляясь в город, брал её с собой. Но вот уже

восемь недель он не позволял ей покидать замковых стен.

Сенешаль улыбнулся, и Эриан, сделав над собой усилие, тоже смягчила выражение лица.

– Я просто хочу прогуляться, Колдер. Сил нет сидеть взаперти. Уже третий день идёт дождь. За окном не меняется ничего. Даже мальчишки перестали играть на берегу.

– Возьмите с собой пару стражников.

Эриан знала, что Колдер всегда чрезмерно беспокоится о ней, прекрасно понимая, насколько велика её ценность для семьи и в первую очередь – для самого лорда Ригеля.

– Тебе мало той стражи, что стоит на мосту? – поинтересовалась она. – Кто может приблизиться к нашим стенам, кроме нас?

– Возьмите, – настойчиво повторил Колдер, – я не шучу. Вы, может, и не собираетесь никуда, но ваш отец намекал, что сегодня в замке может быть гость.

Эриан изогнула чёрную тонкую бровь.

– Так, – задумчиво сказала она, – друзей у него нет, так что вряд ли он мог бы пригласить кого-нибудь из них домой. Тогда…

– Боюсь, вы можете быть правы, – Колдер ощутимо помрачнел, – сегодня приедут гости из Брен-Шаула. И вряд ли они собираются полюбовно решить вопрос.

– Отец не выдаст меня за него! – резко отрезала Эриан. – Это будет значить, что Брен-Ригель достанется нашим врагам!

– Всё верно, молодая леди… Он предложит Сафироту взять себе в жёны любую младшую дочь. И не стоит вам видеться с сыном наших врагов – как бы он не оказался настолько самоуверен, чтобы выбрать вас. Тогда сэр Месилон просто не сможет отказаться.

Эриан молчала. Она свела брови к переносице и думала о том, как бы избежать подобной встречи – Колдер был абсолютно прав, не стоило дразнить красной тряпкой быка.

С Шаула сталось бы выбрать её в жёны только лишь потому, что этого не хотят ни она, ни его отец.

– Всё-таки маловероятно, – сказала она, – что я попадусь ему на глаза на берегу. Я закутаюсь в шарф и возьму с собой четырёх… а лучше шестерых солдат. В случае чего они закроют меня от него своей спиной.

– Ну хорошо, – нехотя согласился Колдер, – только недолго, Эриан. Не нужно рисковать лишний раз.

Эриан кивнула. Она в самом деле накинула на волосы шарф, так что в его тени было трудно разглядеть её лицо, дождалась, когда Колдер пришлёт солдат, и, ловко вскочив в седло, направила кобылу к воротам, раскрывшимся для неё.

Первой мыслью Эклери после разговора с магистром Артарием была следующая: «Он сбрендил».

Вот уже несколько лет он провёл в одиночестве, избегая как магов, которым Атолла присвоила название тёмных, так и тех, кто мнил себя наследниками светлой магии.

Некогда он и сам считал себя наследником древнего ро-

да хранителей магии и, в отличие от нынешних «светлых», умел сотворить «пару фокусов», как выражался отец. С годами силы, доступные ему, лишь росли – но вместе с силами росла и цена, которую следовало за них заплатить.

Эклери не был дураком. Он знал, что есть силы за пределами мира живущих, с которыми лучше не играть. Но это не отменяло того, что он жаждал могущества – как и все, кто попробовал его хотя бы раз.

Эклери искал. В самом деле искал пути, которые могли бы привести его к возрождению той магии, которой ни он, ни кто-либо другой не был бы обязан никому, кроме самих себя.

«Ведь кто-то же возвёл мосты, – неизменно думал он, – кто-то же создал из пыли магистрат. Кто-то привёл людей Атоллы на острова».

Однако история бережно хранила свои загадки, оставляя людям всего лишь два пути – ита, магическая пыльца, дававшая иллюзию могущества, но отнимавшая здоровье у тех, кто пробовал её – и сделки с демонами, которые слишком часто оборачивались против тех, кто их заключал.

Исследования Эклери привели его в городскую библиотеку – чего можно было ожидать. И проводя долгие вечера за книгами, он однажды обнаружил, что притягивает взгляды двоих хранителей, отвечавших за зал.

Это была странная пара: один, судя по комплекции и едва заметным, но узнаваемым движениям пальцев в минуты

напряжения – бывший ведьмак. Его звали Трейн Танрэ, и, судя по тому, что он всё ещё был жив, Трейн был одним из тех немногих, кто сумел завязать.

Другая – его супруга, Талия Данай, тёмная чародейка. В отличие от мужа – практикующая, как Эклери сильно подозревал.

Оба знали содержимое полок очень хорошо, и Тали неизменно вызывалась помочь в поисках, в то время как Трейн всегда смотрел хмуро, как будто мысленно готовился к тому, что Эклери призовёт демона прямо сюда – и заранее нащупывал мешочек с итой у пояса.

Много ли поняла Талия относительно его поисков – Эклери точно не знал. Но именно она предложила ему встретиться с Артарием, сказав, что этот человек немало знает о магии и собирает тех, кто жаждет не просто власти, но и открытия тайн.

Глава 3. Наследник дома Шаул

Берег был пустынен и тих. Гнедая медленно вышагивала по гальке, а шестеро воинов молчаливым караулом шествовали по обе стороны от неё.

Волны почти утихли, и теперь только слабые отзвуки минувшей бури грохотали где-то вдали.

Копыта лошадей теребили обрывки водорослей, разбросанных по камням.

Эриан прикрыла глаза и тихонько запела, стараясь, чтобы голос её не был слышен никому, кроме неё самой. И уже через пару мгновений тучи расступились, пропуская к земле прозрачные и невесомые лучи солнца, скользнувшие по щекам девушки мягким теплом.

– Леди, – один из стражей, рыжеволосый юноша по имени Хайдех, которого назначили руководить отрядом сопровождения, опустил ладонь на круп её гнедой, и, обнаружив, что та замедлила ход и почти полностью остановилась, Эриан открыла глаза.

Вдалеке, там где два острова почти сходились острыми кряжами между собой, острые обломки скал спаял изогнутый ажурный мост. В городах давно уже не строили ничего подобного, предпочитая удобство дороги изяществу, но здесь, на северной оконечности Атоллы, ещё оставались остатки прежней красоты, когда дворцы и мосты возводи-

лись не руками рабочих, а магией светлых чародеев.

Раньше, несколько столетий назад, магией дышала каждая вещь. Атолла продавала украшения и безделушки – инкрустированные поющими жемчужинами серьги и диадемы, коралловые ожерелья, подвижных, как переплетение морских волн, говорящих куколок из тончайшего фарфора и музыкальные шкатулки, вырезанные из редких пород деревьев, растущих только здесь – на север, запад, восток и юг.

Светлые маги умели наполнить жизнью любой предмет, сделав из него не просто утварь, но настоящую живую картину или скульптуру. Магия тёмных редко применялась в быту. Разжечь камин, помочь задержать грабителя – конечно, и от неё был толк, но куда меньший, чем от творений светлых мастеров.

Эриан не знала, что изменилась с течением лет. Как случилось так, что те, кто называл себя «светлыми», стали лишь разговаривать о магии за чаем, а любого, кто умел сотворить хоть малейшее заклятье, стали причислять к тьме. Но сейчас не это волновало её, и красота моста, сотворённого силами древних чародеев, меркла в сравнении с тем чувством, которое испытала Эриан, увидев кавалькаду всадников в синих с чёрным плащах, несущуюся через мост.

– Шаул, – выдохнула она. – Вернёмся в замок.

Начальник сопровождения кивнул и подал знак остальным поворачивать назад. Эриан пришпорила кобылу, разворачивая её к воротам, и несколько минут процессия молча

неслась вперёд, пока командир отряда не воздел руку, перегораживая наследнице путь.

– Поздно, – громко произнёс он, – едут нам наперерез.

Эриан и сама уже видела, что одетые в чёрное свернули с дороги и теперь направляются к ним. Она потянула вожжи, заставляя коня отступить назад, а двое стражников тут же заслонили её собой.

Эриан глубже запахнулась в шаль, теперь прикрывая ею глаза и лицо.

– Приветствую вас! – услышала она голос командира встречного отряда, высокий и звонкий, как бой волны об утёс.

Эриан прищурилась, выглядывая через плечо начальника стражи и всматриваясь из тени капюшона в лицо приближающегося к ней Шаула.

С тех пор, как она видела Сафирота в последний раз, он заметно повзрослел. Светлые, почти серебристые волосы его сбегали до локтей, лишь слегка закреплённые у затылка парой сколотых вместе прядей. Прямой нос и острый подбородок делали его лицо холодным и отстранённым, хотя и красивым. На плечах – не слишком широких и не слишком узких – лежал подбитый куницей плащ. Герб дома Шаула – взлетающего сокола – сейчас было не рассмотреть, но Эриан видела его на знамени, которое один из спутников Сафирота держал в руках, и фибула на плече наследника тоже изображала хищную птицу. Рука гостя небрежно лежала на руко-

яти меча, скорее оттого, что он хотел показать своё превосходство, чем потому, что он в самом деле готовился к атаке.

– И мы приветствуем тебя, почтенный гость, – в голосе Хайдеха, несмотря на вежливость его слов, звенел металл, – моё имя Хайдех, я назначен руководить прибрежным патрулём. Чем я могу помочь?

– Моё имя – Сафирот из дома Шаул, – насмешливо прищурившись, произнёс гость, – меня пригласил к своему двору для переговоров эрл Месилон. Я хочу, чтобы ты проводил меня к нему.

Хайдех немного растерялся от такой наглости и на мгновение оглянулся через плечо, как бы обращаясь за советом к Эриан, укрывшейся за его спиной. Взгляд этот не остался незамеченным – Сафирот проследил за ним, безошибочно определив, кто главный в этой процессии, и теперь обращался к Эриан напрямую:

– Я ведь не слишком нарушаю твои планы, госпожа? Или, быть может, ты побрезгуешь ехать в одном строю с тем, кого отметило клеймо тьмы?

Эриан собиралась сказать, что она лишь служанка, в надежде, что Сафирот тут же потеряет к ней интерес, но к своему удивлению услышала бархатистый голос, прозвучавший как будто бы из пустоты.

«Молчи».

Эриан вздрогнула. А в следующее мгновение волна с шумом ударила об утёс чуть в стороне от них, с ног до головы

окатив Сафирота ледяной водой.

Тот крепко выругался и поднял коня на дыбы.

– Светлые всегда найдут способ тебя оскорбить! – выкрикнул он в бешенстве.

– Наивно считать, что воля волн покорна нам, – не сдержалась Эриан, – не судите других по себе.

Теперь уже все взгляды Шаулов обратились к ней, и Эриан поняла, что загнала в ловушку саму себя.

– Проводи их, Хайдех, – распорядилась она. – Тебе больше не от кого меня оберегать. А я поеду вперёд, предупрежу эрла о том, что гости уже здесь.

С этими словами она пришпорила коня, с места поднимая его в галоп. Копыта ударили о землю, рассыпая брызги гальки кругом себя, стражники мгновенно расступились, выпуская её вперёд, и только один голос прозвенел у Эриан за спиной.

– Стой! Я хочу увидеть твоё лицо и узнать, как тебя зовут!

Эриан и не думала замедлять ход. Кобыла несла её вперёд, но, удалившись от отряда достаточно, чтобы решить, что осталась в одиночестве, Эриан бросила взгляд через плечо, и обнаружила, что вороной жеребец Сафирота несётся следом за ней.

Эриан пришпорила кобылу, заставляя ту прибавить ход. Она знала каждую колдобину в здешних местах и не сомневалась, что легко оторвётся от преследователя, но копыта вороного продолжали стучать за спиной, и, оглянувшись ещё

на мгновение, Эриан обнаружила, что тот стал заметно ближе к ней.

Эриан пригнулась к шее лошади и снова дала ей шпор. Ветер свистел в ушах и трепал шаль, силясь сорвать её прочь. Эриан не оглядывалась более, опасаясь, что так позволит Сафироту увидеть своё лицо, и потому пропустила момент, когда рука в массивной кавалеристской перчатке из чёрной кожи, украшенной тиснёными на ней старинными орнаментами, перехватила поводья и рванула их в сторону, останавливая кобылу.

Эриан коротко вскрикнула, порыв ветра сорвал с её головы шаль, непослушные волосы рассыпались по плечам.

– Красота, – признал Сафирот, разглядывая её, – будь ты одной из дочерей эрла, я бы выбрал тебя.

Губы Эриан дрогнули.

– А я бы не выбрала тебя никогда, – отрезала она. Ловко вырвала поводья из его рук и снова пустила коня в галоп, уже не пытаясь скрывать лица.

Сафирот уже не пытался преследовать её, он остался стоять, с улыбкой глядя черноволосой красавице вслед. Девушка, встреченная им на берегу, не выглядела особенно благородной на лицо, на ней не было ни драгоценных браслетов, ни жемчужных серёг. Только простой серебряный венец перехватывал чело, выдавая, что она далеко не из простых. И хотя черты её лица не обладали правильностью статуй, изображавших Деву в столичных храмах, ему понравились её го-

лос и её взгляд.

Сафирот дал себе слово выяснить, кто перед ним. «Не женой, так наложницей», – подумал он и усмехнулся про себя.

Вот уже почти сотню лет семейство Ригель враждовало с домом Шаул, как часто бывает с соседями, которые не согласны в вопросе о прохождении их границ.

Конфликт между двумя родами начался из-за полей иты на Брен-Орат. До войны последний считался частью владений Брен Шаула, расположенных на острове Тысячи Кинжалов.

Однако ещё раньше, сто лет назад, остров Бурь был частью Острова Белокрылых Кораблей. Он откололся от него в ходе землетрясения – по уверениям Ригеля-старшего спровоцированного Шаулами. Впрочем, доказать свою позицию эрл никак не мог.

Когда началась война, и светлые получили законное право атаковать любого, кто творил заклятие тьмы, особенно если тот отнимал у империи столь драгоценный ресурс, как «Пыльца фей», Ригели не заставили себя долго ждать. Тогда ещё островом правил не Месилон, а его отец. Ведьмачьими талантами он не владел, но зато у него было почти шесть сотен отличных мечей и столько же воинов, желавших пустить их в ход – по большей части рыцарей Брен-Хайде не интересовало, кого именно они будут убивать. Все они сидели за каменными стенами уже так давно, что мечтали лишь о том, чтобы началась хоть какая-то война.

Довольно быстро Остров Бурь обрёл своего нового (или Старого, как считали Ригели) владельца. Но война подошла к концу. Магистры сделали своим новым лозунгом борьбу за равенство светлых и тёмных и восстановление последних в правах. Так что уже через несколько лет после того, как отгремели взрывы и перестали звенеть клинки, новый эрл, Месилон Ригель, получил повестку в суд. Тогда же он узнал, что замком, стоящим на соседнем острове, правит теперь Беиска Шаул – жена прежнего эрла, погибшего на войне. Которая, к слову сказать, по крови не имела ни малейшего отношения к роду Шаул и уж точно не имела права на Остров Бурь.

Остров обладал специфическим и редким климатом, благоприятным для выращивания иты. Но выращивать и собирать её вот уже много месяцев было абсолютно невозможно, потому что в ответ на прошение Беиски передать завоёванные земли обратно семье Шаул судья постановил окружить его магическим барьером, препятствовавшим любой попытке проникнуть внутрь него. Беиска так и не получила своего, впрочем, как и Ригель.

Дело рассматривалось уже восемь лет. Остров же восемь лет стоял огороженный прозрачной паутинкой магии, дабы никто из двух сторон не мог использовать его и разжигать конфликт.

В конце концов обеим сторонам одинаково надоел этот затянувшийся и, похоже, бесконечный процесс, на котором не выиграл никто, кроме нанятых ими представителей в суде

– да чиновников, которые исправно получали мзду, чтобы чаша весов склонялась то в сторону Ригелей, то в сторону Шаул.

Месилон принял решение отправить гонцов и обговорить условия мировой. В ответ Беиска уже на следующий день прислала ему ответное письмо, в котором обещала, что к концу недели в замок Ригелей для переговоров приедет её сын. «Одна из ваших дочерей могла бы владеть спорной землёй вместе с ним. Тогда Пыльца будет поступать и вам, и нам», – так заканчивалось её письмо. «Ваша преданная и любящая соседка, Беиска из дома Шаул».

Именно Талия стала тем человеком, к которому Эклери решил обратиться за советом – собственно говоря, кто бы кроме неё смог сказать, правду говорит Артарий или попросту сошёл с ума?

Талия встретила Эклери тепло – порой тому казалось, что она общается «со своими» так же редко, как и он, и потому рада любой возможности поговорить о волшебстве.

Не удержавшись, он спросил об этом и тут же понял, что попал в точку – по лицу Тали пробежала тень.

– Нас не так уж много осталось, – уклончиво сказала она.

– Да брось, – Эклери усмехнулся, – не важно сколько. Сейчас кооперация между тёмными особенно сильна. Пару месяцев назад меня даже приглашали в какой-то «Круг». Обещали поддерживать деньгами, делиться информацией, защищать права.

Что-то изменилось в глазах Талии. Она склонила голову набок и какое-то время внимательно смотрела на него.

– Да? – наконец спросила она. – И что ты им сказал?

Эклери пожал плечами и уткнулся носом в чашку чая.

– Ну, я же здесь. Полагаю, если бы я сказал «да» – мне не пришлось бы просиживать ночи в библиотеке и искать возможности для сотрудничества с магистром, который – очень похоже – не в своем уме.

– Ты тоже заметил, да? – подозрительная искорка промелькнула у Тали в глазах.

Эклери хмыкнул.

– Он стал мне рассказывать, что если я не привлеку к работе со мной – и с ним – какую-то девчонку, то острова опустятся обратно на дно.

– Да… очень похоже, что его занесло… – задумчиво сказала Тали и покрутила чашку в руках.

– Зачем ты послала меня к нему, если знала, что он не в себе?

Тали насмешливо посмотрела на Эклери и грустно улыбнулась.

– Знаешь… Артарий любит говорить вещи, которые с первого раза не понять. Но он не дурак. Именно он после войны отыскал первого чёрного мага, он вернул в Атоллу хоть какое-то волшебство. Я думаю, сейчас он понимает тупиковость выбранного пути не хуже нас. А может быть, просто всегда ищет большего… Но так или иначе, я думаю, ваши с

ним интересы сходятся. Можешь ему доверять.

– Светлая магия исчезла задолго до войны, – мрачно сказал Эклери, – мы не знаем, существовала ли она когда-нибудь вообще.

– Но ты хочешь в это верить?

– Да. Но когда мне начинают рассказывать про сказочных героев, которые при помощи магии строили мосты…

– Сказки не складываются просто так, – улыбка Тали стала шире, и она поднялась из-за стола. – Смотри, – продолжила она, скользя тоненькими пальчиками по содержимому одного из шкафов, – ага, вот.

Тали извлекла с полки какую-то коробку и поставила на стол. Затем открыла и выудила из нее хрустальный шар – наподобие того, на которых за пару медяков готовы погадать любому кочевники в своих шатрах. Дунула на него, поднимая в воздух облако пыли.

– Возьми. У меня есть ещё. Коснись его пальцами.

Шар в самом деле вызывал желание прикоснуться, манил и притягивал взгляд. Эклери хотел погладить его, но едва пальцы коснулись гладкой поверхности, как его будто бы ударило молнией – сознание вырвалось из тела и понеслось куда-то далеко.

Глава 4. Война

Месилон Ригель стоял у окна своей спальни и сверху вниз смотрел на приближавшуюся к замку кавалькаду всадников. Чёрные плащи хлестали по бокам лошадей. Белые колыхались на ветру.

Его собственные воины и воины проклятого дома Шаул летели по берегу в направлении ворот бок о бок.

Всё чаще Месилону казалось, что мир кругом него просто сошёл с ума. Белое смешалось с чёрным, чёрное стало белым. Те, кто раньше говорил о многоцветии оттенков, исчезли, сварившись в одну серо-бурую массу соглашателей и вечно погрязших в протесте. Новые силы выходили на сцену, но Месилон чувствовал, что в том, новом, нарастающем в городе, нет места для него. Он, прошедший войну и сумевший выжить после неё, когда ведьмаки один за другим отправлялись на тот свет, ненужные никому, теперь понимал, что и его час скоро пробьёт.

Месилон не касался иты с тех самых пор, как знамёна взвились над побеждённым Брен-Тантар. В свои сорок пять он оброс седой бородой, но был мощным и властным стариком – в то время как соратники его обрюзгли и иссохлись уже добрый десяток лет назад.

Повернув голову, Месилон прищурился, вглядываясь в туман, где дымка, застелившая горизонт, скрывала побере-

жье материка.

Там, за занавесью сизых облаков, на западном окончании архипелага скрывались, будто затаившись до новой войны, островерхие шпили Брен-Тантар. Практически это был уже не остров, а небольшая часть суши, которая во время прилива соединялась с материком лишь тонким перешейком.

Брен-Тантар принял удар отступников первым. Вековые стены дрогнули… но устояли. Впрочем, тогда темных ещё не называли отступниками, тогда их звали – слуги Армии Заката. И вёл их могущественный Сайдэ Киан. Он стал единственным из темных магов, чей сговор с изначальными удалось доказать. Но к тому времени, когда всеми правдами и неправдами солдатам Атоллы удалось загнать Киана обратно на материк, любого, кто мог читать заклятья, не вдохнув эликсиров, называли преступившим.

Месилон не сомневался в правильности этого суда никогда.

Ита, Пыльца фей, лежала в основе всех магических напитков, но использование её обходилось слишком дорого – во всех отношениях. Такие, как он, быстро старели, а перед смертью часто сходили с ума. К тому же каждая новая порция иты действовала хуже предыдущей. А ещё глаза, которые с годами у ведьмаков начинали пылать красным закатным заревом…

А вот чародеям, которых иногда называли еще тёмными, порошок был не нужен. Они черпали силу у самих изначаль-

ных. Магия будто бы текла по их жилам. Магия, какой сидевшие на ите имперские ведьмаки не могли себе даже представить. Им завидовали. А потому, когда к рубежам империи подошла Армия Заката, напитанная силой демонов, это послужило сигналом для всех, кому чародеи были костью в горле. Не смущаясь того, что настоящий враг стоит у стен, толпы горожан, подгоняемые аристократией, жгли башни магов и ровняли с землёй дворцы тёмных – а чародеи, надо сказать, жили весьма неплохо. Внезапно те, без кого накануне не обходилось ни одно торжество, кого любили и почитали в больницах и школах, в армии и в торговле – оказались виновниками войны.

И вот тогда появилось слово «отступники». Месилон не знал ни одного чародея, который после погромов остался бы на стороне империи. Все они ушли на континент, и многие поддержали Киана. Те семь… О них заговорили уже ближе к концу. Теперь Месилон не был уверен, что они были врагами. А тогда всё было просто. Каратели получили приказ. Приказ уничтожить тех, кто убивал и калечил их братьев и сестёр. И каратели сделали своё дело – как всегда.

Когда война подошла к концу, многие ведьмаки стали жалеть о том, что творили во время войны. Многие из них насиловали, грабили и сжигали дома врага. Но Месилон не вычеркнул из своей биографии ничего. Всё, что он сделал, он сделал потому, что того требовала война.

Он презирал тех, кто отступился от своей веры, не мень-

ше, чем тех, кто поддался на жажду наживы, на кровавый зов иты, поселившийся у них в головах.

Месилон готов был ответить за каждое из своих действий и слов – и немало нашлось тех, кто желал предъявить ему счёт.

Почти что сразу после войны начались суды. Люди всегда любят искать правых и виноватых. Вот только судить было уже некого. Все Семь были мертвы. И Каратели… Большинство из них тоже отправилось к изначальным. Ита собирала свои жертвы.

Наверное, тёмные, требовавшие вернуть им земли, права и ещё чёрт знает что, тоже имели основания к тому, чтобы так вести себя. Наверное, но не Месилону было их понимать.

Во время войны Месилон потерял жену. Только чудом выжили дети – трое его дочерей и двое сыновей, которых кормилица спрятала в пещере на морском берегу, когда армия Заката прошлась по замку Брен-Ригель чёрной волной. Месилон был далеко. Судьба не доверила ему шанс совершить месть. И он запечатал в памяти воспоминания о войне, заставив себя думать только о том, что ждёт его и его дочерей впереди.

Но время шло, и война вновь заглянула к нему домой.

Месилон вздохнул и снова посмотрел за окно.

Война давно прошла, и даже шрамы давно затянулись на гладкой коже империи. Но они – такие, как и Беиска, те, кто видел, как проливалась кровь – сами были подобны этим

шрамам. Один только факт существования другого напоминал каждому из них о том, сколько крови когда-то пролилось на этой земле.

Беиска хотела получить кусок острова, но для Месилона это была больше чем земля. И не только потому, что на этой земле росла проклятая магическая трава.

Месилон никогда в жизни не отступал перед лицом тьмы. Не стал бы он делать этого и теперь. Но ранняя старость входила в свои права. Он не был уверен, сколько лет ещё сможет удерживать Брен-Ригель в своих руках. Эриан должна была занять его место, и хотя он любил дочь, но следовало признать, что разумности её действиям хватало не всегда. Как теперь – когда она поехала кататься на лошади под носом у врага.

Сможет ли Эриан принять бразды правления из его рук? Месилон не знал.

Нужно было обеспечить этой земле благоденствие и покой. Сама мысль о том, чтобы отдать на тёмный двор одну из своих дочерей, была противна Месилону, как и тот факт, что нога Сафирота Шаула ступит в его дом. И всё же он привык приносить жертвы, которых нельзя избежать. Чтобы сохранить замок и видеть Эриан его госпожой, Месилон был готов поступиться многим, чего иначе не допустил бы никогда.

– Отец! – высокий голос дочери прозвучал у него за спиной, вспарывая застоявшуюся в спальне тишину, – отец, Сафирот уже здесь! Въезжает в замок! С минуты на минуту он

испросит дозволения говорить с тобой!

Месилон развернулся и увидел перед собой раскрасневшееся, запыхавшееся лицо Эриан.

– Он видел тебя?

Эриан покраснела ещё сильнее и потупила взгляд.

– Прости… – тихонько сказала она.

– Эриан… – в голосе отца была такая тоска, что Эриан, не задумываясь, бросилась к нему и повисла на шее.

– Я больше ему не покажусь, – затараторила она, – правда-правда. Хочешь, я вообще уеду и проведу в лесу те несколько дней, которые он будет здесь.

Месилон задумался, размышляя.

– Не надо, – сказал он наконец, – по крайней мере пока. Навлечёшь ещё большую беду. Лучше иди к себе и не высовывайся. Еду тебе будет носить Полетта. Если кто-нибудь тебя побеспокоит – сразу скажи ей, а она передаст мне.

Эриан кивнула, хотя новость и не обрадовала её.

– Хотя бы когда он уедет, мне можно будет поехать на охоту с тобой? У меня такое чувство, что я пленница, а не дочь.

– Не говори глупостей, – Месилон обнял её в ответ, – ты знаешь, что я даю тебе всё, что могу.

Вздохнув напоследок, Эриан подобрала полы шали, плотнее кутаясь в неё, и пошла прочь.

Месилон отказался принимать гостя днём наотрез.

– Все дела – после ужина, – отрезал он, когда посланец Сафирота ступил на порог его спальни, чтобы сделать офи-

циальный доклад, – адъютант разместил вашего господина хорошо?

– Да, но… Сафирот не любит ждать.

– Как и вся молодёжь, – Месилон с напускным высокомерием посмотрел на него, – а я не люблю спешить, гонец. Можешь так ему и передать. Мои домашние к его услугам. А меня пусть не тревожит, с тех пор как мне стукнуло шестьдесят, перед ужином я люблю отдохнуть.

Гонец вынужден был откланяться, а Месилон распахнул портьеру, скрывавшую небольшой альков, и принялся упражняться с мечом – ему хотелось выпустить пар.

Во время ужина над столом висело тягостное молчание – только тихонько позвякивали приборы. Сафирот сидел напротив Месилона и каждый раз, нанизывая на вилку кусок мяса, Месилон поднимал на нём сосредоточенный взгляд, будто движениями своих челюстей хотел показать, что он сделал бы с визитёром, если бы смог.

Две его дочери сидели по обе руки от лорда. Нимея, с рыжими, как блики костра, пушистыми волосами, спадавшими по плечам, стеснённо улыбалась, опасаясь поднять взгляд от тарелки.

Вивиан походила на свою старшую сестру куда сильней. Она, напротив, не опускала взгляд и почти что не отрываясь смотрела на гостя, будто глазами хотела его приворожить. Светлые, как платина, волосы её были заплетены в тугую косу, и Вивиан весь вечер жалела, что не заставила служанку

уложить их более торжественно. Сафирот нравился ей. Он был таким же холодным и властным, как она сама. Сердце Вивиан замирало от одной мысли о том, что она может стать его женой.

Сафирот скользил взглядом от одной к другой, стараясь не показывать, насколько неуютно ему встречаться взглядом с их отцом. А когда семья хозяина и приближённые, среди которых были сенешаль, адъютант и ещё несколько человек, вышли из-за стола, и они с Месилоном наконец уединились в библиотеке, Сафирот всё размышлял том, какие бы подобрать слова, чтобы спросить о черноволосой всаднице, которая имела в замке достаточно власти, чтобы управлять стражей и скакать верхом, но придумать ничего так и не смог. Месилон же явно не собирался давать подсказок.

– Вам понравились мои дочери? – спросил он, сведя к минимуму светский трёп.

– Они красивы, – признал Сафирот, – у вас их только двое?

– Моя жена умерла пятнадцать лет назад.

Сафирот не заметил подвоха в его словах.

– Мне нужно время, – сказал он. – Я хотел бы получше их узнать.

Месилон без тени любезности смотрел на него добрую минуту.

– Хорошо, – мрачно сказал он наконец, – можете оставаться в моём замке столько, сколько требует от нас с вами долг.

Эклери с трудом заставил себя вынырнуть из тумана, в который унёс его шар. Высвобождение от магии само по себе было долгим, ему казалось – он несётся на пелене облаков, и где-то вдали виднеются белые паруса легендарных кораблей.

Однако стоило вернуться в собственное тело, как на него с новой силой накатила тоска. Стены библиотеки и город кругом казались серее обычного после морского берега и зелёных лесов.

– Эклери! – позвала его Тали. Она уже не сидела рядом с ним за столом, а стояла в дверях. Похоже, Эклери провёл в наблюдениях несколько часов.

Он поднёс к глазам собственные пальцы, разглядывая их со всех сторон и силясь сфокусировать на них взгляд. Они казались бледными и немощными после того мира, который показал ему шар.

– Всё хорошо, – сказал он, – откуда он… у тебя?

Тали усмехнулась.

– До войны таких было полно, – она ненадолго скрылась в подсобке и вернулась с разделочной доской, украшенной рисунком с алыми маками. На доске стояли чайник и две чашки, – их побили в основном. А делать их не умеет, кажется, уже никто. Слышала, в Академии есть факультет кристаллических систем – но они больше мечтают. Так ни одного шара и не сделали всерьёз.

– Да… – задумчиво сказал Эклери, всё ещё разглядывая собственные руки, – до войны было много всего.

– Да ладно, – Тали фыркнула и, наполнив обе чашки, одну поднесла к губам, – это было уже давно. Нужно двигаться вперёд.

Эклери снова опустил взгляд на ладони.

– Это тяжело, – признался он. – Когда… «Когда никто не ждёт», – хотел он сказать, но замолк.

– Эклери, – Тали отставила чашку и стиснула его пальцы, – у каждого из нас бывают тяжёлые времена. Вся разница состоит в том, что одни находят дорогу к миру, другие – уже нет.

Эклери вопросительно посмотрел на неё, и Тали продолжила.

– Я знаю ведьмаков… тех, с которыми дружит мой муж. Их четверо. Но только двое по-настоящему живут.

– Что стало с остальными двумя?

Тали пожала плечами.

– Один перестал верить в мир. Другой потерялся в собственных снах. Каков твой вариант?

Эклери покачал головой.

– Спасибо, Тали, – сказал он, – мне нужно идти.

– Как скажешь. Шар будет ждать.

Глава 5. Шаул

Эклери ушёл, но мысли о шаре и девушке, которую он увидел в нём, не давали ему покоя весь остаток дня.

Ещё больше его беспокоил чародей – молодой, с волосами белыми, как снег.

«Он ничего не представляет из себя», – думал Эклери, сам не зная, что так раздражает его в нём. Но мысли о Сафироте тем не менее заставляли его сжимать кулаки. Тот был моложе его и не боялся ничего.

«А я?» – спрашивал Эклери себя. «А я идиот!» – тут же отвечал он сам себе.

Эклери заехал в таверну на берегу, где ужинал иногда, и заказал жаркое и эль. Кусок, однако, в горло не лез.

«Он её найдёт, – думал он. – Вот зачем было ехать гулять верхом?».

Досада нервировала настолько, что, расплачиваясь, он понял, что даже если поедет сейчас домой – всё равно не уснёт.

Однако какое-то время Эклери держался. Он заставил себя пройтись по морскому берегу пешком – но глядя, как плещутся волны о набережную, неизменно представлял себе другой берег, скалистый, над которым кричали чайки, по которому неслась кавалькада воинов Ригеля.

Всё, что происходило там, в Брен-Ригель, само по себе уже казалось ему сказкой – настолько тамошняя жизнь не

походила на ту, городскую, что вели люди здесь.

Он снова огляделся по сторонам – всё было серо. Низкие домишки, лепившиеся друг к другу, завсегдатаи портовых таверн, в бурых обносках, пошатываясь бредущие домой, уличные девки, сверкавшие голыми бёдрами тут и там.

Эклери тихонько зарычал на себя самого.

Артарию он всё равно не верил ни на грош. Но Эклери хотел заглянуть в шар – ещё разок.

Он кликнул кеб и, забравшись внутрь, приказал ехать в библиотеку.

«Там все уже давно спят!» – пытался он образумить самого себя, когда стучался в тяжёлую дубовую дверь, однако как только он развернулся, чтобы уйти, та открылась у него за спиной.

– Я тебя ждала, – сказала Тали.

Эклери вздрогнул.

– Меня так легко предсказать? – спросил он.

– Не то чтобы, – Тали улыбнулась краешком губ, – но я смогла. Заходи.

Внутри библиотеки царил полумрак. Единственную свечу Тали держала в руке.

Она проводила его в тот зал, где Эклери занимался всегда. Поставила свечу на стол, потом достала с полки шар и бережно опустила его рядом со свечой.

Эклери смотрел на шар как на своего личного врага.

– Он работает на пыльце? – спросил он.

– Что? – Тали подавилась словами. – С чего ты взял?

– Потому что… – Эклери сглотнул, – потому что когда отрываешься от него – ощущения как после пыльцы. Как будто потерял за облаками самого себя.

Тали помолчала.

– Я никогда не пробовала пыльцу, – сказала она, – но и шар никогда так не действовал на меня.

– Ты пользовалась им? – Эклери вскинулся. – Давно?

– Давно, – спокойно ответила Тали, – и не хочу рассказывать о тех временах.

Эклери понимающе кивнул. У него тоже были воспоминания, о которых он предпочитал молчать.

– Я оставлю тебя, – сказала Тали, наблюдая, как он опускается на стул и тянется к шару, не решаясь до конца прикоснуться к нему. – Приду с утра. Постарайся не отравиться колдовством.

Освободившись от пристального внимания старого ведьмака, Сафирот вздохнул с облегчением и стремительно, как стрела, направился к выделенным для него покоям.

Литон – щуплый юноша в тёмно-синем плаще, с волосами чёрными как смоль, скользнул из тени за дверью, где ожидал его, и бросился следом за господином.

– Приготовься передать сообщение матери, – бросил Сафирот на ходу и надолго замолк.

Девчонка с высокими скулами, летевшая на своей вороной стрелой мимо изгибавшихся стволов деревьев, так что

нежно-зелёный плащ стлался по ветру у неё за спиной, никак не выходила у него из головы.

Сафирот был не из тех, кто ставит женщин слишком высоко. Не столько потому, что они были женщинами, сколько потому, что не ставил высоко вообще никого. Мать с детства учила его, что только они, покорившие демонов, владетели дома Шаул – настоящие хозяева всех островов.

Беиска была из тех немногих тёмных магов, что никогда не жалели о случившемся на войне. Никогда не жаловались и никогда не пытались прикрыться флёром мученичества.

В последние годы таких развелось полно – но Беиска лишь смеялась над ними, говоря, что «каждому сверчку – свой шесток». «Они не способны на настоящую магию, – говорила она, – только плакать и просить подаяния – вот и весь их удел»

Сафирот привык думать, что мать права. Она правила семьёй железной рукой, неизменно преувеличивая её состояние и влияние в столице Астарте, так что никто из Шаулов не вспоминал или, вернее, предпочитал не вспоминать, что она была в этом доме чужой.

Влетев в свою комнату, он изящным движением отстегнул фибулу, сдерживавшую плащ, и тяжёлая ткань рухнула на каменный пол.

Литон, скользнувший следом за ним, затворил за собой дверь. Силуэт его заколыхался в полумраке, как пламя свечи, лицо подёрнулось дымкой, и тонкая фигура стала похожа

на длинный высокий цветок, в венчике которого отразилось совсем другое лицо.

– Ты поздно, – услышал Сафирот голос матери, – я уже собиралась отправлять подручных следом за тобой.

– Старик вреден как демон (Гопс)*. Напрочь отказался разговаривать со мной, пока не опустится ночь.

Беиска рассмеялась. Смех у неё был заливистый, а голос – бархатистый. Волосы холодного орехового цвета были собраны в косы и корзиночкой сложены у затылка. Тёмно-зелёное платье открывало худощавые плечи и широкую грудь.

Беиска лет пятнадцать назад была одной из самых красивых придворных дам. Но война не обошла своею злой волей и её. Одна из самых первых битв оставила на лице вдовы Шаул шрам, сбегавший с виска, и, пересекая щёку, спускавшийся к уголку губ. Никакие крема не могли скрыть его, и даже магия тёмных оказалась недостаточно сильна. Немало Беиска искала заклятья, способные исцелить этот небольшой, но крайне неприятный изъян, но открытия её оказались неутешительны – магия исцеления сгинула вместе со светлыми магами целиком. То же, чем могли помочь ей ведьмаки, не стоило и выеденного яйца.

– Ты нашёл кого-нибудь себе по вкусу? – спросила Беиска, и лицо её заколебалось в полумраке.

– Да, – после недолгой паузы ответил Сафирот и улыбнулся, – только не знаю кто она.

Беиска закатила глаза.

– Сафирот, – жёстко сказала она, – ты не на прогулке в городе. Ты приехал за женой.

– Знаю, – Сафирот вздохнул. Потянулся, на мгновения становясь похожим на дикого кота, белоснежная шкурка которого лоснилась в свете умирающей за окнами луны, – девчонки ничего, – признал он. – Любая пойдёт. Но тут есть ещё одна… Вот её я хотел бы попробовать, даже если она не станет мне женой.

Сафирот облизнулся.

Беиска подняла тонкую тёмную бровь.

– Ничего? – уточнила она, проигнорировав последние слова. – Мне говорили, что дочки у Месилона весьма хороши. И разные, как лето, осень и зима.

– Ну… да. Одна холодная, как осколок льда. Но красивая. Я бы объездил её. Другая скромница. И правда тёплая, как солнышко весной. Будет, наверное, хорошей женой. Но, подозреваю, до смерти скучна.

– А третья?

Сафирот нахмурился, и улыбка заиграла на его губах.

– Третья, – задумчиво повторил он. – У третьей волосы как ночь. Мама, а у него точно три дочери?

– Я пока не разучилась считать. А что?

– Ничего, – Сафирот повёл плечом. – Я останусь здесь на несколько дней.

– Если будет возможность – возвращайся вместе с женой. Пусть посмотрит перед свадьбой новый дом.

– Хорошо, – Сафирот снова дёрнул плечом, – я хочу спать. Безумно устал.

– Ну-ну, – хмыкнула Беиска, но не стала продолжать разговор, – давай, сынок. Всё в твоих руках.

Лицо её исчезло, а Литон снова стал похож на самого себя.

– Господин желает чего-нибудь ещё? – поинтересовался он.

Не обращая внимания на слугу, Сафирот подошёл к окну и, прищурившись, стал разглядывать двор.

Вот башня сенешаля. На втором этаже горит огонь, и слышен весёлый говор солдат.

Вот пустая башня магии чёрными глазницами смотрит на океан – уже много веков в ней не обитает никто.

Ещё в одной разместили его самого.

Четверо детей Месилона спят, должно быть, вместе, на втором этаже донжона.

«Ага», – подумал Сафирот про себя. Ещё одна башня казалась пустой, но если внимательно вглядываться в темноту, можно было разглядеть тусклый огонёк, как будто пламя огарка прикрывали рукой.

– Литон, – тихо сказал Сафирот, – доставь меня туда. Я хочу посмотреть на неё.

Эриан изнывала от скуки. Одна мысль о том, что ей предстоит сидеть в этой башне день за днём, до тех пор, пока проклятый Шаул не покинет их дом, навевала смертную тоску.

Эриан давно уже стала замечать, что порой грусть причи-

няет не кто-то или что-то, что заставляет думать о нём, а сами мысли о нём. Не знай она, что наутро не сможет поехать в лес или даже выбраться к морю, наверняка давно бы уже уснула или хотя бы позвала няньку, чтобы та рассказала ей сказку, или поупражнялась с мечом – Эриан, в отличие от сестёр, ужасно не любила вышивать, хотя Полетта и говорила, что просто время её полюбить женские забавы ещё не пришло.

Эриан возражала, что Вивиан всего семнадцать, а она уже может соткать такое тонкое полотно, что позавидовали бы древние магини. А Нимея в прошлом году, раньше чем и ей стукнуло семнадцать, закончила вышивать гобелен, который теперь не только висит в главном зале, но и привлекает своим изящным мастерством всех гостей.

– Твоё время придёт, – говорила Полетта упрямо, – ты раскроешься как цветок. Не дело знатной даме играться с мечом.

Впрочем, Полетта не решалась в открытую спорить ни с дочерью, ни с отцом.

В этот раз Эриан прогнала няньку сразу после того, как та принесла еду. Ела Эриан плохо, то и дело приподнимаясь, чтобы выглянуть в окно и проверить, не уехал ли Шаул. А когда поняла, что тот собирается остаться до утра, издала такой пронзительный стон, что Полетта снова прибежала к ней.

– Что стряслось?! – выпалила она.

– Няня! Он что, собирается остаться здесь жить?

Полетта помешкала, будто хотела что-то скрыть.

– Что ты, – мягко сказала она наконец, – конечно нет. Выберет жену и уедет к себе.

– Ему приглянулся кто-нибудь?

– Пока что нет. Ему нужно время, чтобы поближе узнать твоих сестёр.

С глухим стоном Эриан упала на кровать, уткнулась в подушки лицом и ударила по одной из них кулаком.

– Принеси мне книгу, – капризно потребовала она.

– Сказки? – с надеждой спросила Полета. – Так я сама расскажу.

– Нет. Не знаю. Не хочу ночью читать про войну. Принеси мне, знаешь что… – Эриан задумчиво приподняла лицо, – принеси мне легенды Сорока Островов.

Полетта хмыкнула.

– Я принесу, – сказала она, – но обещай, что не будешь читать допоздна. И сядешь в уголке, чтобы со двора не было видно свечу.

– Хорошо, – согласилась Эриан.

Нянечка вышла, а она принялась перетаскивать подушки в уголок у окна. Поставила рядом свечу, и когда Полетта принесла ей книгу, уже сидела, укутавшись в одеяло и прикрывая огонёк свечки рукой.

Полетта оставила книгу и снова ушла, а Эриан принялась читать.

Сказания о четырёх героях, чьи подвиги позволили первому из магистров создать Атоллу на сорока островах, зачаровывали её. Это были таинственные и древние времена, когда магия ещё жила в каждом из людей – если, конечно, верить словам тех, кто их написал.

Снова и снова Эриан задавала себе единственный вопрос: что произошло с людьми? Почему свет погас в их сердцах, и осталась только тьма? Почему магией теперь не владеет почти никто? И откуда брали свои силы те маги, жившие сотни веков назад? Разве же Белфонд Светоносный может быть в сговоре с Изначальными, как их не называй?

Эриан вздохнула и, оторвавшись от чтения, уставилась в темноту перед собой. Как она хотела бы собственными глазами увидеть те времена…

«Потуши свечу».

Эриан вздрогнула и огляделась по сторонам. Голос, прозвучавший из ниоткуда, был бархатистым, но твёрдым.

«Потуши свечу, быстрей!» – на сей раз в голосе был ещё больший вопрос.

– Кто ты? – спросила Эриан вслух, не будучи уверенной в том, что незнакомец услышит её, если произносить слова в голове.

«Эриан! – в голосе послышались интонации, подозрительно напомнившие ей слова отца. – Сделай, что я говорю! Потом я всё тебе расскажу!»

– А может, ты демон! И хочешь, чтобы я беззащитная

осталась перед тобой в темноте!

«Всё, – сдался голос, – можешь не тушить».

– Так кто ты такой?

Голос молчал. «Видимо, обиделся», – подумала Эриан.

– Ну как я могу тебе доверять, если вообще не знаю, есть ты или нет?! – с деланной злостью спросила она. – Скажи своё имя… и откуда ты взялся у меня в голове. Тогда я буду делать, что ты велишь. Может быть.

Если голос и собирался ответить ей, то не успел. А вместо него Эриан услышала другой: более высокий и насмешливо-злой.

– Разговариваешь сама с собой?

Эриан повернулась к окну и увидела фигуру всадника, загородившую свет луны. Животного, на котором он сидел, Эриан толком разглядеть не могла. Зато лицо наездника узнала очень хорошо.

– Сафирот, – с тоской протянула она.

– Я тебя нашёл, – довольно подтвердил тот.

Глава 6. Город

Эриан коротко вскрикнула и тут же прикрыла рот рукой. Волосы её взметнулись на ветру и осели на плечи пушистой волной.

– Убирайся немедленно, или я позову стражу! – прошипела вполголоса она.

– Что же до сих пор не позвала?

Эриан не нашлась, что сказать. Она не хотела устраивать скандал – тем более, что присутствие в её спальне Сафирота можно было трактовать и так и так.

– Тебе не в чем меня обвинить, – будто услышав её мысли, произнёс Сафирот и усмехнулся, – я всего лишь гуляю ночью во дворе. Кто виноват, что твой отец не все достопримечательности показал мне днём?

– Я тебе не достопримечательность! – прошипела Эриан и вскочила с вороха подушек. Одеяло тут же сползло, обнажая округлое плечо, и во взгляде Сафирота сверкнул жадный огонёк. Впрочем, Эриан тут же натянула одеяло назад, но дальше в атаку уже не пошла. Она замерла, разглядывая чёрный силуэт под седлом своего ночного гостя – существо походило на льва с красной шкурой, но почему-то со львиной головой.

– Это мантикора, – с улыбкой сказал Сафирот, заметивший её интерес, – мой фамильяр. Хочешь покататься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.